

Александр Громов

ПРОСТОЛЮДИН

RUGRAM

УДК 82-312.9
ББК 84.4
Г87

Громов А.

Г87 Простолюдин / А. Громов, — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 478 с.

ISBN 978-5-521-90627-7

Тридцать первый век. Константин Малеев, последний житель забытой лунной колонии возвращается на Землю и обнаруживает там феодализм... почему-то без простолюдинов в основании феодальной пирамиды. Как это возможно? Как такое могло случиться? Понимание не приходит сразу, оно достигается через искушение, пот, кровь и муки, через почти безнадежную борьбу, и разгадка страшна. Неужели человечество уперлось в свой «потолок» и уже не прыгнет выше?

BIC FL
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-521-90627-7

© Александр Громов, текст, 2021
© Александра Аксюта, обложка, 2021
© RUGRAM, оформление, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЩЕПКА

I

Сгорю или нет?..

Я не видел огненного шторма, заключившего в объятия мою посадочную капсулу, и плазменного хвоста, обозначившего ее спуск в атмосфере. Капсула не имела иллюминаторов, а наружные камеры, будь эта жестянка оснащена ими, давно отгорели бы. Жара я не чувствовал: термоизоляция под тепловым экраном оставалась такой же превосходной, как и тысячу лет назад. Что-то потрескивало, но и только.

Разумеется, меня трясло и швыряло. Если бы не ремни — вышвырнуло бы из ложементов. Я терпел, а это, знаете ли, тоже занятие. Очень скоро вопрос «сгорю или не сгорю» приобрел чисто академический оттенок. Страшиться смерти, потеть, скулить или даже молиться мне было просто некогда.

Смерть в случае разрушения теплового экрана будет гарантированной, а мучения чрезвычайно короткими — это я знал наверняка. Меня немного беспокоило, выдержат ли перегрузку мои кости, если случится приятный сюрприз и посадка пройдет штатно. Для того, кто родился на Лунной базе, провел на ней всю жизнь и с детства не любил изнурять себя в «земном» зале с увеличенной вшестеро гравитацией, вопрос отнюдь не праздный.

Некогда мне было и раздумывать на тему, какая часть моего скелета первой не выдержит перегрузки. Ключицы? Таз? Позвоночный столб? Тупая боль проникла во все закоулки тела, я терпел ее, и было мне

не до сопромата. Или, может быть, я умру не от разрушения скелета, а просто от удушья, когда тяжесть, навалившаяся на грудную клетку, пересилит мои жалкие потуги сделать вдох?

Да какая разница! Главное — не страшно. Важен лишь итог, а я с самого начала знал, на что иду.

В какой-то момент я перестал видеть, не удивившись этому, не запаниковав и даже не огорчившись. Но догадывался: худшее еще впереди. Законы физики еще поизмываются надо мною, а потом прихлопнут, как муху. Разве я не жалкая муха в сравнении с мирозданием?

Оказалось — слегка ошибся. Конечно, я муха, но живучая. Дышать стало легче, чернота перед глазами растаяла. Перегрузка уменьшалась очень быстро, гораздо быстрее, чем я представлял себе, планируя спуск в атмосфере. До невесомости дело не дошло: последовал рывок, раскрылся тормозной парашют. Я находился в двадцати тысячах метров над поверхностью Земли. От меня по-прежнему ничего не зависело, однако во мне пробудился интерес к происходящему вовне. Чисто человеческий психологический дефект — интересоваться тем, что ты не в силах изменить.

На одиннадцати тысячах капсула отстрелила парашют, выпустила гибкое крыло и стала выбирать место посадки. Перегрузка все еще ощущалась, давила сильнее, чем мне хотелось бы, и я не сразу сообразил, что мое тело весит ровно столько, сколько оно и должно весить на прародине человечества. Что ж, придется с этим жить.

Скосив вбок глаза я посмотрел на второй, пустой ложемент. Нужно было завалить его каким-нибудь бараклом, чтобы он не попадался на глаза, бессердечно напоминая мне о том, кто я есть.

Предатель...

Крылатая капсула вовремя попала в вихревой поток, и болтанка выбила из меня черные мысли. Земной воздух с его дурацкими шалостями... Да здравствует атмосфера, естественная атмосфера Земли, не искусственная под лунным куполом! Настоящая!

Все равно я ожидал, что мое приземление будет совершаться как-то иначе. Никакая теория не предскажет реальных ощущений.

Место посадки оставалось для меня загадкой. То, что капсула сядет в пределах выбранного мною района, не подлежало сомнению, вот только район был великоват: задавая его, я сделал порядочную скидку на ветхость аппаратуры и недостаток свежей информации о планете. Выбор конкретного места приземления оставался за компьютером. Не водная поверхность, не горная местность, не вечные льды (впрочем, в заданном районе не было ни высоких гор, ни ледников), не топкое болото и, уж конечно, не водоем. Не населенный пункт. Лучше всего и не лес, а какое-нибудь поле.

Неужто на Земле мало полей?

Когда-то было много — триста семь лет назад и ранее. Более свежими данными о прародине человечества компьютер посадочной капсулы не располагал. Как и я, конечно. Более четырех веков назад с Лунной базы стартовала последняя баржа с переселенцами. А триста семь лет назад оборвалась связь с Землей.

Почему? Этого не знали те, кто все это время жил и работал на Лунной базе; не знал и я. Одно было известно точно: цивилизация не погибла. Ночная сторона земного диска, низко висящего над ближайшим горным хребтом, по-прежнему пестрила блесками освещенных городов в разрывах облачности; правда, судя по древним записям, свет ярчайших из них изрядно потускнел

за последние столетия, зато мелких блесков стало гораздо больше. Не вулканы же зажигали эти огоньки!

Я очень внимательно изучил техническую документацию, но с хитроумной логикой, заложенной в программу выбора места посадки разобраться не сумел. Оставалась небеспочвенная надежда: какое бы место ни выбрал компьютер, меня найдут, меня спасут.

Капсула мягко раскачивалась. Один раз началась тряска, но быстро прекратилась. Все-таки удивительная штука — воздух! Еще удивительнее, когда он присутствует вокруг окружающих меня стен прямо-таки в ненормальном количестве. Тогда он начинает вести себя. Я читал, что в прошлом физики и инженеры Земли худо-бедно сумели обуздать его дурные наклонности, уменьшив силу наиболее разрушительных ураганов и торнадо. Изменилось ли что-нибудь к худшему с тех пор?

С одной стороны: с чего бы? С другой: почему бы и нет?

Я не сгорел и теперь вовсе не хотел, чтобы какой-нибудь дурной шквал оторвал капсуле крыло или с размаху шмякнул ее о скалу. Как быстро тупой и покорный фатализм сменяется постыдным страхом за свою шкуру!

На полутора тысячах метров над поверхностью я почувствовал, что капсула маневрирует — нормальные, плавные, осмысленные маневры на чистой аэродинамике. Было совершенно ясно, что компьютер нашел площадку и аккуратно подбирается к ней, дабы сделать приземление как можно более комфортным.

Сто метров... пятьдесят... двадцать...

Жестокий рывок — и красная муть перед глазами. Удар! Хруст не то конструкции, не то костей... Резкая боль. И чернота.

Бум-бум-бум-бум — снизу. От этих звуков я вынырнул из небытия. Кто-то колотил в днище моей капсулы, и был он явно не в духе. Так, бывало, стучал разводным ключом старый Томира, когда спускался проверить систему регенерации воды, а мы, безмозглые молокососы, шутки ради задраивали люк над его головой. Следовало подождать минут пять, потом открыть люк и быстро разбежаться, пока он не надрал кому-нибудь уши.

Либо Хелен, либо мне. Кому-нибудь из нас двоих. Других детей на станции не было.

Восемь человек, включая меня, — столько людей оставалось на Луне, когда я родился. Или все-таки девять?.. В тот день, когда я появился на свет, скончалась одна старушка, а вот что случилось раньше — мое рождение или ее смерть? Не знаю. Я даже имени ее не помню, потому что дети обладают привычкой мгновенно забывать ненужное, а когда я подрос, о старушке уже никто не вспоминал. Разве что ее дочь, тоже уже ветхая, да и та не вслух. Она была на удивление молчаливой старушкой.

Бум! Бум! Бум-м-м!!!

Нет, это стучал не Томира. Во-первых, удары звучали иначе, во-вторых, бежать мне никуда не хотелось, в-третьих — не могло. Я был надежнейшим образом зафиксирован в ложементе. Только ложемент почему-то крепился к потолку, а не к полу.

Вз-з-ззз-з!..

Кто-то резал снаружи мою капсулу. До меня наконец дошло: капсула валяется брюхом кверху, а я, проведя невесть сколько времени в беспамятстве и только что очнувшись, не лежу в ложементе, а вишу на ремнях. Компьютер все-таки ошибся с выбором посадочной площадки...

Невезение? Так я и подумал в первую секунду и думал эту мысль еще вторую секунду и третью. А в течение четвертой осознал: я все-таки жив! Я жив и, кажется, даже не искалечен, несмотря на аварию!

И обрадовался.

Не бывает ведь счастья без мелких неприятностей, и незачем о них говорить.

Звук резки металла внезапно стал громче. Носом я ощутил струйку незнакомого воздуха Земли. Он пах как-то не так, но, ей-ей, приятно! Так и должно было быть: человек создан эволюцией для земного воздуха, а не для искусственной атмосферы Лунной базы.

Потом замкнуло, заискрило, пошла вонь горелого пластика, а вместе с ней и приглушенная ругань с ужасным акцентом. Часть слов я не разобрал, тем более что меня с ног до головы окатило противопожарной пеной. Она быстро заполняла невеликое обитаемое пространство капсулы.

К счастью, пожар задохнулся раньше, чем я. А три минуты спустя распиленная капсула развалилась надвое. И хлынул свет.

Лучше бы его было поменьше! Я временно ослеп.

К сожалению, не оглох. Кто-то очень шумный находился возле меня и безостановочно орал. Я слышал его, но не слушал. Он не был существенно необходим этому миру.

Выкопайте крота и поместите его в солярий. Загоните в сауну пингвина. Примотайте к палке змею, запретив ей извиваться. Налейте в аквариум суп вместо воды. Протест будет потом, но первая реакция живого существа на такое издевательство — ступор. Воздух со всеми его новыми запахами, звуки и свет ринулись на меня одновременно, и психика отказала. В обморок я все же не упал, говорю это потому, что когда прошло кружение